

На следующий день ярко светило солнце, после снегопада архитектура Шанцзина казалась еще более утонченной, а Калиновый двор напоминал рай. Служанка принесла им завтрак.

— Госпожа хотела бы поговорить с вами после завтрака, господин Лан.

— Нет необходимости, — ответил Лан Цзюнься. — У меня сегодня есть дела, и засиживаться слишком долго было бы нежелательно. Пожалуйста, передайте ей, что я очень ценю ее гостеприимство.

Как только служанка ушла, Дуань Лин спросил:

— Мы идем за покупками?

Лан Цзюнься кивнул.

— Не болтай слишком много, когда мы выйдем.

Дуань Лин хмыкнул в знак согласия. Размышляя о том, что произошло накануне вечером, Дуань Лин предположил, что мог потревожить Лан Цзюнься, но понятия не имел, что он делал в соседней комнате, поэтому не осмелился говорить об этом необдуманно. К счастью, Лан Цзюнься, казалось, забыл об этом, и после завтрака провел Дуань Лина через заднюю улицу тем же путем, каким они пришли.

На улице стояла карета, занавеска которой была задернута, а внутри сидела Дин Чжи.

— Вы пробьете здесь всего одну ночь. Куда же ты теперь пойдешь? Разве ты не говорил, что, как только устроишься, не уедешь? Заходите.

Лан Цзюнься держал Дуань Лина за руку и, казалось, колебался. Но вот Дуань Лин дернул его за ладонь — он хотел идти.

Тогда Лан Цзюнься ответил в сторону кареты:

— Я бы не хотел навязываться. У меня есть срочные дела.

У Дин Чжи не осталось выбора, кроме как отказаться от предложения. Лан Цзюнься повез Дуань Лина в самое сердце города, и тот был практически потрясен всем, что видел по дороге. Шанцзин был центром распределения товаров для всего севера: три города за Великой стеной и сорок одно неханьское племя торговали здесь своими товарами. А тут еще приближался день рождения вдовствующей императрицы Великой Ляо, и послы Южной Чэнь приехали поздравить ее. На рынке было полно фигурок из сахарного теста, антиквариата, сувениров, драгоценностей, деликатесов, собранных с гор, целебных ингредиентов, украшений для волос,

косметики... На глаза попадалось ослепительное множество товаров.

Дуань Лин хотел съесть все, что видел, но больше всего ему хотелось попробовать жареный рисовый пирог*, который он когда-то очень любил в Шанцзы. Лан Цзюнься сначала отвел Дуань Лина к портному, чтобы тот сшил ему пару комплектов одежды, а затем — в магазин кистей и чернил, чтобы купить то, что люди называли «четырьмя сокровищами кабинета ученого»*.

* Лудагунь — традиционный китайский сладкий рисовый рулет. Происходит из маньчжурской кухни, позже стал популярным в Пекине.

* Четыре сокровища кабинета ученого — это кисть, чернила, бумага и чернильный камень.

— Ты умеешь писать? — с любопытством спросил Дуань Лин.

Лавочник выложил товары один за другим: чернильный камень из Дуаньчжоу, тушь из Хуэйчжоу, кисть из Хучжоу, бумага из Сюаньчжоу*.

* Места, упомянутые здесь, не важны; важно то, что каждое из них специализируется на производстве каждого вида товаров. Они, так сказать, лучшие из лучших.

— Это для тебя, — сказал Лан Цзюнься. — Ты должен начать учиться в школе и научиться писать сочинения, иначе будет слишком поздно.

— У вас зоркий глаз, господин, — засмеялся Лавочник. — Это хороший материал, его привезли сюда в позапрошлом году купцы с севера. Еще не вся бумага прибыла, так что нам придется обратиться в другую лавку, чтобы вам привезли еще двенадцать тетрадей.

— Ляо не так уж и требовательны к этим вещам, — невозмутимо сказал Лан Цзюнься. — Мы просто хотим подготовиться как полагается, на удачу. Доставьте их в Прославленный зал до заката завтрашнего дня.

— Это слишком дорого, — Дуань Лину стало жаль денег, которые потратил Лан Цзюнься. Он практически отдал целое состояние.

Но Лан Цзюнься ответил ему:

— Учись прилежно, и успех и слава придут следом. Учеба в школе и умение писать сочинения бесценны.

— Я пойду в школу? — спросил Дуань Лин.

Дуань Лин не без зависти наблюдал за тем, как другие дети ходили в школу в Жунани. Он и представить себе не мог, что однажды и ему выпадет шанс пойти в школу, и от всей души обрадовался, одновременно почувствовав огромную благодарность. Он остановился и пристально посмотрел на Лан Цзюнься.

Тот спросил:

— В чем дело?

Сердце Дуань Лина переполняло множество эмоций.

— Как я могу отплатить тебе?

Судя по взгляду Лан Цзюнься, он счел Дуань Лина достойным жалости, но в его глазах была и нежность; в конце концов он заставил себя улыбнуться ему и серьезно ответил:

— Учиться и ходить в школу — это твое право. Ты не обязан отплачивать мне. В будущем найдется много людей, которым ты захочешь отплатить.

После того как они заказали все необходимое для письма и плотно поели, Лан Цзюнься купил Дуань Лину грелку для рук и вышитый мешочек. Он положил нефритовую дугу Дуань Лина туда и обязал его носить ее под нижней рубашкой.

— Ты не должен потерять его, несмотря ни на что, — строго наказал Лан Цзюнься. — Не забывай об этом.

Лан Цзюнься увел Дуань Лина из шумного центра города и свернул за угол на уединенную тропинку. На улице стояло деревянное здание с белыми стенами и черной черепицей, на крыше лежал снег, а фасад казался одновременно простым и внушительным. За стенами стояли заснеженные кипарисы, сквозь которые были слышны детские голоса.

Как только Дуань Лин услышал детей, он сразу же почувствовал себя бодрее — с тех пор как он был с Лан Цзюнься, он не видел своих ровесников. Теперь он все время вел себя хорошо, совсем не так, как раньше в Жунани, где он был дикарем, целыми днями прыгающим в грязи и воде. Ему было интересно, чем обычно занимаются дети его возраста в Шанцзине.

Взяв Дуань Лина за руку, Лан Цзюнься повел его внутрь, и он заметил, что во дворе был аккуратно сметен снег. В десяти шагах от него стояли трое юношей ростом примерно на голову выше его, каждый держал в руках стрелы и бросал их в горшки, расставленные неподалеку от них. Услышав шаги, мальчики повернулись и посмотрели на Дуань Лина, а он начал немного нервничать и приблизился к Лан Цзюнься.

Лан Цзюнься не остановился и провел Дуань Лина до самого внутреннего помещения. Там

сидел пожилой седовласый мужчина и пил чай.

— Подожди меня немного, — сказал Лан Цзюнься.

Дуань Лин, одетый в синий костюм, стоял под навесом веранды, когда Лан Цзюнься заходил внутрь, и снаружи доносился тихий разговор. Мысли Дуань Лина начали блуждать, и тут он заметил, как из-за колонны к нему приблизился другой юноша, оценивающе разглядывая Дуань Лина, стоящего перед колоколом. Постепенно детей, собравшихся во дворе, стало все больше, всем им было, по крайней мере, около восьми или девяти лет. Каждый из них издали смотрел на Дуань Лина и перешептывался друг с другом. Кто-то начал подходить к нему, желая поговорить, но самый высокий юноша остановил его.

Он встал под колоколом и спросил Дуань Лина:

— Ты кто?

Дуань Лин мысленно ответил: — Я — Дуань Лин, мой отец — Дуань Шэн...

Но не произнес ни слова. Он почувствовал приближение беды.

Видя, что Дуань Лин, похоже, боялся незнакомцев, дети начали смеяться. И хотя Дуань Лин понятия не имел, над чем они смеются, он разозлился.

— Откуда ты?

У юноши в руках был железный прут, он ударил им по своей руке и сделал шаг вперед.

Дуань Лин инстинктивно отступил от него, но мальчик положил свободную руку на его плечо и властно притянул его к себе. Он подвел железный прут к подбородку Дуань Лина, чтобы заставить его посмотреть вверх, и стал дразнить:

— Сколько тебе лет?

Дуань Лин неоднократно пытался вырваться, но одна из рук юноши обхватила его так, что он не мог сдвинуться ни на каплю. Но когда ему все-таки удалось вырваться, он не решился уйти. Раз уж Лан Цзюнься велел ему стоять здесь, то у него не было другого выбора, кроме как стоять здесь.

— О!

Юноша был на целую голову выше Дуань Лина и одет с ног до головы в северный наряд —

волчью шубу и шапку из лисьего хвоста. В черной части его глаз виднелся оттенок звездной синевы, а кожа была смуглой. Дуань Лину он напоминал полувзрослого волчонка.

— Что это?

Юноша протянул руку к шее Дуань Лина, чтобы дернуть за красный шнурок, привязанный к вышитому мешочку. Он снова уклонился.

— Подойди сюда.

Видеть, что Дуань Лин просто терпит его и не взрывается, было все равно что бить кулаком в кучу ваты — совсем не весело. Он погладил Дуань Лина по лицу.

— Я с тобой разговариваю. Ты что, тупой?

Дуань Лин наблюдал за юношей, его руки были сжаты в кулаки, а во взгляде появился злобный блеск. Он с трудом осознал, что в глазах юноши он был всего лишь обычным богатым ребенком, и достаточно было ударить его палкой, чтобы Дуань Лин начал умолять и звать маму и папу. Но прежде, чем использовать палку, молодой человек, похоже, намеревался еще немного подразнить его...

— Что это?

Наклонившись к уху Дуань Лина, мальчик протянул руку, пытаясь подтянуть к себе мешочек, висящий на его шее. Он наклонился и насмешливо прошептал:

— Тот, кто вошел раньше, — твой отец? Или твой старший брат? Или, может быть, человек, которого твоя семья приняла как твоего будущего мужа? Он там умоляет главу школы, кланяясь?

Теперь дети позади них начали смеяться. Боясь, что мешочек разорвется, Дуань Лин позволил юноше таскать его туда-сюда, упорно оберегая скрепляющую его красную веревочку.

— Пошел!

Юноша сделал серьезный вид, будто направлял его.

— Осел.

Присутствующие дети разразились громким хохотом, и лицо Дуань Лина стало ярко-красным.

Прежде чем юноша успел сказать что-то еще, он увидел, как кулак Дуань Лина увеличился в размерах, и тут же почувствовал боль в носу, похожую на перелом. Удар отбросил его назад, и он упал на землю.

Завязалась беспорядочная драка. Из носа юноши обильно текла кровь, но он не отступал; он бросился вперед, желая скинуть Дуань Лина, но тот опустился ниже и навалился весом на талию юноши, так что они оба вылетели с террасы прямо в сад. Внезапно дети вокруг них начали радостно кричать, образуя круг, чтобы понаблюдать за их борьбой на снегу.

Дуань Лин получил удар по лицу и ногой в грудь; перед глазами у него появились звезды. Юноша сидел на нем, нанося удары; шея Дуань Лина была вся в крови другого мальчика, и по мере того, как его били, в глазах начало темнеть. Собрав все свои силы, он внезапно схватил юношу за лодыжку и безжалостно уложил его на землю.

Затем Дуань Лин бросился на юношу, словно бешеный пес, и укусил его за руку. Окружающие их дети тут же вскочили на ноги. Стало так больно, что мальчик взвыл и, схватив Дуань Лина за воротник, прижался к нему лбом, со свирепым звоном ударив его затылком прямо в колокол.

Дун! Колокол прозвенел, и Дуань Лин бессильно упал на землю, гул наполнил его рот, нос и барабанные перепонки.

— Остановитесь! Немедленно прекратите!

Шум окончательно насторожил Лан Цзюнься. Он выбежал из комнаты подобно порыву ветра, а учитель последовал за ним, крича:

— Прекратите!

Дети тут же самозабвенно отступили к стене. Юноша убежал, а учитель в ярости бросился за ним и схватил его. Жутко бледный Лан Цзюнься устремился к Дуань Лину, чтобы посмотреть, как сильно он пострадал.

— Почему ты не позвал на помощь?!

Лан Цзюнься разозлился и решил, что ему следовало отдать Дуань Лину должное за его терпение. Если бы он позвал на помощь, Лан Цзюнься, естественно, смог бы понять, что снаружи что-то случилось, но тот предпочел промолчать. Услышав звуки возни детей, он подумал, что они просто пинают мяч и играют.

Левый глаз Дуань Лина опух, и он находился в довольно плачевном состоянии, но улыбался Лан Цзюнься.

Час спустя.

Лан Цзюнься умыл лицо Дуань Лина и вытер грязь с его тела и рук.

— Подай учителю чай*, — наставлял его Лан Цзюнься. — Давай.

* Китайская традиция, согласно которой при приеме в ученики учителю нужно поднести чай.

Дуань Лина только что избили, его руки продолжали дрожать, а чашка с чаем, которую он держал, издавала звонкие звуки при тряске.

— Если ты хочешь присоединиться к Прославленному Залу, то тебе придется сдерживать свой драчливый нрав, — подумав, произнес учитель. — Если ты не можешь оставить недостойное поведение за дверью, тогда я укажу тебе другой путь — ступай в Северную администрацию*. Они найдут для тебя место.

* Империя Ляо была разделена на Северную и Южную администрации, и Северная администрация контролировала вооруженные силы.

Учитель посмотрел на Дуань Лина, но чай не взял. Тот долго держал его в руках, но не знал, что сказать. Поскольку учитель не взял чай, Дуань Лин поставил его на стол, и часть выплеснулась на рукав учителя. Он сразу же начал злиться и гневно закричал:

— Наглость!

— Учитель, — Лан Цзюнься быстро опустился на одно колено, обращаясь к Дуань Лину с мольбой. — Он не знает этикета. Это моя вина, что я плохо его учил.

— Вставай, — Дуань Лин уже не раз терпел подобное унижение и потянул Лан Цзюнься, чтобы тот встал. Слова, которые произнес юноша, чтобы унижить его, до сих пор звучали в его ушах.

Но Лан Цзюнься в редком порыве гнева накричал на него:

— На колени! Я сказал, на колени!

Дуань Лину ничего не осталось, как тоже встать на колени, и это, наконец, немного успокоило учителя. Он холодно бросил:

— Если он не знает этикета, научите его, прежде чем приводить обратно. Дети военных,

иностранные принцы-заложники — кто из них когда-либо приходил сюда и смел говорить, что не знает этикета?!

Лан Цзюнься молчал, и Дуань Лин последовал его примеру и тоже ничего не сказал. У учителя пересохло во рту от всех этих разговоров, и он сделал глоток чая, который подал ему Дуань Лин.

— Как только ты начнешь учиться здесь, правила будут одинаковыми для всех. Если ты еще раз устроишь драку, тебя исключат.

— Спасибо, учитель.

С души Лан Цзюнься упал тяжкий груз, и он заставил Дуань Лина трижды поклониться учителю. Тот нехотя это сделал, и Лан Цзюнься увел его.

Возвращаясь через передний двор, они прошли мимо молодого человека, дравшимся с ним ранее, который стоял на коленях перед стеной, обдумывая свои действия. Дуань Лин бросил на него взгляд, и юноша снова посмотрел на него — их глаза были переполнены обидой.

— Почему ты молчал, когда тебя били?

Между бровями Лан Цзюнься пролегла глубокая морщина.

По возвращении в «Калиновый двор» он умыл лицо Дуань Лина и нанес на него мазь.

Дуань Лин сказал:

— Это он начал.

Лан Цзюнься, вытираясь полотенцем, произнес:

— Я тебя не виню. Но если ты не мог его победить, почему не убежал?

— О, — ответил Дуань Лин.

Лан Цзюнься терпеливо объяснил:

— Если кто-то снова попытается тебя спровоцировать, то нужно оценить ситуацию. Если ты можешь победить их, то сражайся. Если не можешь — беги, и я все улажу за тебя. Но ты никогда не должен ставить свою жизнь на кон в драке, понял?

— Хорошо, — ответил Дуань Лин.

В комнате воцарилась тишина. Дуань Лин вдруг спросил:

— Ты умеешь драться? Научи меня.

Лан Цзюнься отложил полотенце и молча стал наблюдать за Дуань Лином. Наконец он сказал:

— Будет много людей, которые захотят высмеять тебя или убить. Даже если ты научишься убивать, в мире так много людей, как ты сможешь лишить их всех жизни, если будешь убивать по одному?

Дуань Лин смотрел на Лан Цзюнься в замешательстве, он не понял, что тот имел в виду. Лан Цзюнься сказал:

— То, чему ты будешь учиться, — это чтение, постижение дао. В будущем количество людей, которых ты захочешь убить, будет исчисляться миллионами. Как ты думаешь, сколько времени уйдет на это с твоими кулаками? Если хочешь отомстить, то веди себя хорошо и ходи в школу.

— Теперь ты понимаешь? — снова спросил Лан Цзюнься.

Дуань Лин не понял, но все равно кивнул. Лан Цзюнься постучал пальцем по тыльной стороне его руки.

— Ты больше никогда не должен вести себя так, как сегодня.

— Мгм, — ответил Дуань Лин.

— Сегодня ты переедешь в школу, — сказал Лан Цзюнься. — Вечером я тебя подвезу, и мы докупим все, что нужно, а остальное возьмем в долг.

Сердце Дуань Лина внезапно застыло в горле и не покинуло его. По правде говоря, за все это время Лан Цзюнься стал его единственной семьей. С момента начала его воспоминаний никто не был так к нему добр. И вот теперь, когда он, казалось, нашел свой дом, он сказал, что им придется расстаться?

— А что насчет тебя? — спросил Дуань Лин.

— У меня еще есть работа. Я уже договорился с главой школы. Каждый месяц, первого и пятнадцатого числа, я буду приходить за тобой, и у тебя будет два выходных. Я буду проверять твои домашние задания, и, если будешь хорошо справляться, буду брать тебя поиграть.

— Я не пойду!

Лан Цзюнься замолк и уставился на Дуань Лина с мрачным выражением лица. Он еще не начал говорить, но Дуань Лин уже почувствовал его внушительную ауру — ауру, которая не терпела неповиновения.

Он не мог не поддаться, сдерживая слезы, и Лан Цзюнься тихо сказал ему:

— Ты хороший мальчик. В будущем ты добьешься больших успехов.

— После того, как ты покинул Жунань и уехал из Шанцзы, мир больше не будет тебя огорчать. Даже если будут трудности, они не будут стоить и упоминания по сравнению с тем, через что ты прошел. Это всего лишь самостоятельное посещение школы. О чем тут плакать?

Лан Цзюнься недоуменно взглянул на Дуань Лина, как будто не мог понять его страх и печаль. Во время их путешествия он часто думал о том, каким будет Дуань Лин, но тот всегда шел вразрез с его ожиданиями.

Он озорной, но никогда не проказничал в присутствии Лан Цзюнься; когда он жил с семьей Дуань, то провел годы в темном, лишенном солнца мире дровяного сарая в Жунани, так что в любом другом месте ему должно быть вполне уютно.

Это всего лишь школа, так почему же он выглядел так, словно собирался войти в волчье логово? Лан Цзюнься не знал, как еще расценить неповиновение Дуань Лина, кроме как просто принять его за детскую натуру: когда рядом никого нет, они чахнут, как полуистлевшие растения, а как только кто-то обращает на них внимание, начинают вести себя избалованно.

— Только те, кто способен вынести худшее, могут стать лучшими из людей, — Лан Цзюнься долго размышлял, и в конце концов это была единственная пословица, которую он смог вспомнить и сказать Дуань Лиу.

Вечером снова пошел снег. Дуань Лин не хотел больше идти в это место, но у него не было выбора, с самого рождения никто не спрашивал, чего он хотел. А Лан Цзюнься только внешне был мягким, он редко говорил, но если его решение оспаривалось, он становился похож на волка, открывающего глаза в тихой ночи и излучающего опасную ауру.

Если Дуань Лин не делал того, что говорил Лан Цзюнься, эта аура распространялась и незримо завладевала его душой, пока он не уступал. Лан Цзюнься никогда не отказывался от своих слов, как и от всего, что происходило в его жизни.

На следующий день Лан Цзюнься купил все необходимое для Дуань Лина и оплатил его обучение в Прославленном Зале, записав его в комнату в уединенном восточном крыле.

— Я поручил Дин Чжи попросить ее друга присмотреть за тобой, — сказал ему Лан Цзюнься. — Дворяне и чиновники часто выпивают в Калиновом дворе. И она попросила кое-кого предупредить этого юаньского* ребенка. Скорее всего, он больше не будет доставлять тебе проблем.

* Династия Юань была монгольской династией в Китае, но то, что Юань, Ляо и Чэнь (Сун) были династиями одновременно, является вымышленным. Исторический династический порядок после Тан — Сун (хань) Южная Сун + Ляо (кидань) Южная Сун + Цзинь (чжурчжэни) Юань (монголы) Мин (снова хань) Цин (маньчжуры) постдинастическая современная эпоха.

Каждый день слуги наводили порядок в комнатах и разжигали огонь, а печь стояла у самой стены. Пусть здесь было не так хорошо, как в Калиновом дворе, но, по крайней мере, было тепло. Дуань Лин познакомился со столовой, где подавали двухразовое питание и ученики собирались по звуку колокольчика. Он взял миску и палочки, которые купил ему Лан Цзюнься, и вернулся в свою комнату.

Дуань Лин сидел там, а Лан Цзюнься нагнулся, чтобы застелить ему постель.

— Убедись, что нефритовая дуга всегда при тебе, — снова и снова напоминал ему Лан Цзюнься. — Держи ее под подушкой, когда спишь. Ты не должен ее потерять. Носи ее на себе днем.

Дуань Лин молчал. Его глаза покраснели, а Лан Цзюнься просто делал вид, что не замечал этого.

Четыре сокровища ученого были доставлены и переданы в школу на хранение.

Наконец Лан Цзюнься закончил заправлять кровать и разместился напротив Дуань Лина. Его комната была единственной занятой комнатой в этом крыле. Начало темнеть, и слуга пришел зажечь лампы. Лан Цзюнься спокойно сидел в свете лампы, как прекрасная статуя, а Дуань Лин в одиночестве располагался на кушетке и смотрел в пустоту.

Лан Цзюнься не встал, пока три раза не прозвенел колокол.

— Пойдем, пора есть. Неси свою миску и палочки для еды.

Дуань Лин взял свою миску и палочки для еды и пошел за Лан Цзюнься в столовую. На дорожке перед столовой он сказал:

— Я сейчас уйду и приду за тобой в первый день следующего месяца.

Дуань Лин стоял и молча смотрел перед собой. Лан Цзюнься произнес:

— Иди и поешь сам. Запомни все, что я тебе сказал. Вставай, как только прозвенит колокол, и не задерживайся в постели. Первые несколько дней тебе будут помогать.

Лан Цзюнься стоял и намекал Дуань Лину, что ему пора идти в столовую, но тот никак не мог сдвинуться с места.

Они долгое время молча смотрели друг другу в глаза. С миской и палочками в руках Дуань Лин открывал рот, хотел что-то сказать, но не мог вымолвить и слова.

В конце концов Лан Цзюнься взял себя в руки и ушел, но как только он обернулся, Дуань Лин уже шел по пятам.

Он оглянулся и, не желая больше задерживаться, быстро ушел. Дуань Лин преследовал его с миской до самих задних ворот школы, но привратник преградил ему путь, не позволяя выйти наружу. И вот Дуань Лин стоял в воротах и смотрел на Лан Цзюнься, а по его щекам катились слезы.

Лан Цзюнься не знал, что и делать, и, уходя, сказал:

— Возвращайся! Иначе я не вернусь первого числа!

Дуань Лин ничего не мог поделать, лишь стоял в дверях. Лан Цзюнься тоже грустил, глядя на него, но понимал, что больше не может оставаться, и исчез за дверью.

— Получай знания, учись, и в будущем ты сможешь стать чиновником, — негромко сказал старик, наблюдающий за дверью. — Возвращайся. А?

Дуань Лин развернулся, вытирая на ходу слезы. Было темно, а школа была освещена желтым светом фонарей; не успел он пройти и половины пути, как уже заблудился. К счастью, глава школы проходил по коридору с группой учителей, а Дуань Лин сидел там в этот холодный зимний день, когда капающая вода могла превратиться в лед, и вытирал слезы.

— Что ты делаешь?! — глава школы еще не узнал Дуань Лина и сердито сказал. — Словно неженка, такой чувствительный! Разве так можно себя вести?!

Дуань Лин немедленно встал, боясь обидеть главу и снова разозлить Лан Цзюнься.

— Чей это ребенок? — спросил один из учителей.

Глава долго рассматривал Дуань Лина, прежде чем наконец вспомнил.

— Точно, это тот, который подрался в первый же день. Почему ты не выглядел таким же мягким, когда махал кулаками, а? Давай, следуй за учителем.

Учитель повел Дуань Лина в столовую. Школьники уже почти все съели, оставив на столах беспорядок. Слуги положили еду в миску Дуань Лина, и он съел все, что в ней было. Он поставил на стол свою посуду: и на деревянной миске, и на коробке с палочками для еды было вырезано его имя, так что кто-нибудь придет за ними, чтобы помыть. Дуань Лин вернулся в свою комнату один, чтобы поспать.

Кто-то, где-то вдруг начал играть на бамбуковой флейте.

Ноты плыли по воздуху, звучали то далеко, то близко; они начинались и прекращались, как прощальная песня в Жунани на закате, — и все было похоже на сон. За последний месяц и несколько дней, что они провели в пути на север, Дуань Лин думал, что уже забыл о годах, проведенных с семьей Дуань. Лан Цзюнься рядом с ним был доказательством того, что началась его новая жизнь.

И все же, как только все стихло, в темной комнате, где под окном трещал и шипел огонь, а на кровати лежал только он сам, Дуань Лин понял, что боится заснуть — он переживал, что, проснувшись, снова окажется в том мрачном дровяном сарае, весь в порезах и синяках. Его охватила тревога и паника, как будто в комнате таился кошмар, который только и ждал, чтобы он заснул, и как только он потерял бы сознание, его потащили бы обратно в Жунань, за тысячу ли отсюда.

К счастью, песня была мелодична, изящна и выразительна, она сплетала гобелен из картин, наполненных порхающими лепестками цветущих персиков, и оставалась с ним, пока он не уснул.

Лан Цзюнься стоял под карнизом, и его плащ был засыпан снегом.

Он долго молчал. Нахмурившись, он достал письмо, которое так и не передал.

«Сяовань,

Относись к этому письму, как к встрече со мной. Я послал того, кто доставил это письмо; он владеет знаком, который ты не приняла много лет назад. Считай это доказательством.

Кто-то на юге Чэнь предал меня. Дела обстоят ужасно. Чтобы тебя не похитил убийца, посланный императорским двором, следуй за гонцом на север. До третьего дня первого месяца я доберусь до Шанцзина, чтобы воссоединиться с тобой.

Хун.»

Стояла полночь, был четвертый день первого месяца. Ли Цзяньхун не пришел.

Лан Цзюнься вернулся в Калиновый двор, собрал вещи, переделся в черную одежду для ночных походов и накинул плащ.

— Куда ты собрался? — за дверью появилась Дин Чжи.

— На работу, — рассеянно ответил Лан Цзюнься.

— Я поручила кое-кому то, о чем ты просил, — произнесла Дин Чжи. — За ним присмотрит младший брат капитана стражи.

— Помоги мне купить дом. Не беспокойся об уборке.

Лан Цзюнься достал одну купюру и положил ее под пресс-папье.

— Когда ты вернешься? — спросила Дин Чжи.

Лан Цзюнься ответил:

— Пятнадцатого.

Дин Чжи зашла в комнату и после долгого молчания спросила:

— Откуда взялся этот ребенок, о котором ты заботишься?

Одетый с ног до головы в черную одежду разбойника, плащ Лан Цзюнься скрывал верхнюю часть его лица, а сам он, стройный и высокий, стоял у двери в маске. Глаза его были ясны и светлы, они смотрели на Дин Чжи.

Большой палец руки с мечом слегка выдвинулся вперед, и лезвие замерцало холодным светом.

— Пришли вести с юга. Император Чэнь лишил Ли Цзяньхуна права на командование армией. У Ду ночью движется на север с восемнадцатью убийцами из Теневой стражи, так что они, должно быть, отправились выслеживать Ли Цзяньхуна. Раз уж ты не с ним, а каким-то образом защищаешь этого ребенка...

Лан Цзюнься медленно поднял левую руку, и Дин Чжи замолкла.

— Кто еще знает об этом? — голос Лан Цзюнься доносился из-под маски, а его меч лежал на шее Дин Чжи, в ножнах, и острое лезвие упиралось ей в горло.

— Только я одна, — Дин Чжи подняла бровь и посмотрела на Лан Цзюнься. — Если убьешь меня сейчас, то сможешь сохранить этот секрет навсегда.

Лан Цзюнься молчал, словно раздумывая. А потом, не позволив мечу ни на долю покинуть ножны, отступил и прошел мимо нее.

— Остерегайся У Ду, — тихо сказала Дин Чжи.

Лан Цзюнься больше ничего не ответил. Достигнув заднего двора, он сел на лошадь и умчался прочь с развевающимся за спиной плащом.

Когда Дуань Лин снова открыл глаза, уже рассвело. Звенел колокол, каждый раз все настойчивее, чем предыдущий, а возле его комнаты стоял слуга.

— Молодой господин Дуань, пришло время утренних чтений. Сюда, пожалуйста.

Дуань Лину не снились кошмары, и он не проснулся в Жунани; печаль прошлой ночи была давно позабыта. Вспомнив, что сказал ему Лан Цзюнься, он поспешил встать и умыться, чтобы вместе с другими детьми присоединиться к утреннему уроку чтения.

— Небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк...

— Золото рождается в водах Лишуй, нефрит — в горах Куньлунь...

— Основа империи — земледелие, трудись, сея и пожиная...

Дуань Лин сел на последнее свободное место и кивал вместе с остальными детьми, изо всех сил стараясь повторять за ними, но он совершенно ничего не понимал — он не имел ни малейшего представления о содержании прочитанного. К счастью, подслушивая в прошлом за пределами частных школ, он уже слышал все это раньше, и слова плавно слетали с языка, так что вскоре он вспомнил их и постепенно начал попадать в ритм.

Как только утренние чтения закончились, учитель раздал им листы с иероглифами и картинками на желтой бамбуковой бумаге, чтобы они могли начать учиться письму. Дуань Лин приступил к изучению поздно, поэтому перед ним лежала толстая стопка. Заучивание иероглифов сильно напрягало его ум, и он успел просмотреть меньшую половину из них, прежде чем его мысли начали блуждать; он задался вопросом, где может быть тот юноша, с которым он вчера подрался.

Прославленный зал был построен ханьцами, перешедшими на сторону империи Ляо после карательной южной экспедиции киданей. Он был разделен на три части: начальная школа, чернильный зал и литературный павильон. Дети, начинающие учиться, сначала шли в начальную школу, чтобы выучить иероглифы, а когда заучивали их все и сдавали экзамен, переходили в чернильный зал, где изучались более сложные тексты. В литературном павильоне, напротив, преподавали киданьские, ханьские и сицзянские* языки, а также учили писать сочинения и изучали шесть конфуцианских искусств*.

* Спорная история, возможно, одно из племен Си-жунов.

* Выполнение ритуалов (философия), музыка, стрельба из лука, езда на колесницах, каллиграфия и математика.

К тому времени, когда даже литературный павильон уже не мог ничему научить, наступало время оставить позади Прославленный зал и поступить в Академию Биюн*, находящуюся под управлением Южного тайного совета. Там изучали Пять классических книг и готовили к имперским экзаменам на звание чиновника.

* Академия Биюн существовала как часть Императорской академии, но в данном случае она только заимствует название, поскольку настоящая академия находилась не в Шанцзине.

Скорость обучения учащихся Прославленного зала различалась. Юноша, которого он видел вчера, учился в чернильном зале. Дуань Лину удалось увидеть его только во время обеда: он сидел, положив одну ногу на скамью, поглядывая на Дуань Лина и поедая из железной миски, и никто не осмеливался сесть рядом с ним.

Другой ханьский юноша подошел к Дуань Лину и сказал ему:

— Тебя ведь зовут Дуань Лин, да?

Тот не без опаски посмотрел на ханьского юношу. Он был немного старше Дуань Лина, но выглядел довольно зрелым: он был одет в роскошные одежды, на воротнике был вышит золотой ворон, а пуговица на правом лацкане была сделана из лазурита, брови были чернильно-черными, а лицо красивым, как у человека из знатного дома.

— Откуда... ты это знаешь?

Благородный юноша прошептал Дуань Лину:

— Мой старший брат попросил меня присматривать за тобой и следить, чтобы ты не подвергался издевательствам.

— Кто твой брат?

Благородный юноша не ответил на вопрос. Он показал на молодого человека, который вчера подрался с Дуань Лином, вдалеке.

— Он из семьи Борджигин. Даже его отец вынужден быть псом поместья Хань. Если он доставит тебе еще какие-нибудь неприятности, иди и расскажи о нем тому человеку.

Во время разговора благородный юноша указал на кое-кого поближе. Тот, на кого он показал, оказался полурослым ребенком в окружении других детей; пухленьким, с добрыми глазами. Он выглядел довольно симпатичным — несмотря на то, что черты его лица были вполне обычны, многие дети ходили за ним по пятам.

— Просто скажи ему, господину Хань, — наставлял молодой аристократ, — что этот Борджигин постоянно доставляет тебе неприятности, и попроси его помочь тебе.

Дуань Лин не очень понимал, но догадывался, что у молодого человека были добрые намерения. Благородный юноша спросил его:

— Твоя семья принадлежит к Северной или Южной администрации?

Дуань Лину ничего не осталось, как ответить:

— Я не знаю.

— Хань или Ляо?

— Хань. Моего отца зовут Дуань Шэн. Он занимается торговлей в Шанцзы.

Благородный юноша кивнул.

— О, он торговец. Я — Цай Янь. Мой старший брат — капитан городской стражи Шанцзина. Его зовут Цай Вэнь. Я ханец, и господин Хань тоже. Если кто-то будет тебя обижать, приходи к нам. На этом пока все.

Закончив говорить, Цай Вэнь ушел со своей миской, не потрудившись больше ничего объяснить Дуань Лину. Он не считал того кем-то важным — он пришел лишь для того, чтобы выполнить поручение своего старшего брата.

Дуань Лин доел, после обеда лег вздремнуть, и снова прозвенел колокол. Зимние дни были беззаботны. Школьники занимали свои места, после обеда их учили писать, но при свете печи в комнате все чувствовали себя довольно сонливо и дремали. Один из детей просто положил голову на стопку исписанной бумаги и заснул так глубоко, что у него начали течь слюни.

— Распределяйте иероглифы! — сказал им глава. — Не пытайтесь экономить бумагу...

Это был первый день в школе, и все его заботы были на время забыты. Дуань Лин очень дорожил этой с таким трудом полученной возможностью и сосредоточил все свое внимание на написании иероглифов. Глава школы прошел мимо него и с размаху обрушил линейку для наказания на лицо ребенка, спящего рядом с ним.

Щека мальчика сразу же распухла, и он начал так сильно реветь, будто прорвало плотину. Глава вытащил его за воротник и заставил стоять в коридоре. Дуань Лин вздрогнул, с ужасом глядя на ребенка; после этого он уже не смел чувствовать ни малейшей усталости.

Проходил день за днем, а то, чего ожидал Дуань Лин, так и не произошло. Юноша не пришел мстить, а Цай Янь и другие дети не относились к нему особенно доброжелательно. Все шло по заведенному распорядку, аккуратно и слаженно. Никто не спрашивал его о происхождении его семьи или зачем он пришел. Присутствие Дуань Лина казалось само собой разумеющимся, словно он был не более чем сосной во дворе, которая всегда росла здесь.

Когда занятия заканчивались и Дуань Лин оставался один в своей комнате, ворочаясь и корчась, он всегда вспоминал игру на флейте, которую услышал в первый же вечер пребывания здесь.

Она играла только в тот вечер; ее мелодия витала в воздухе, как увядающие цветы на юге, проносимые ветром, и несла в себе нотки надежды и меланхолии. Каждый раз, когда он думал об этом, то вспоминал стихотворение, которое читал глава школы*.

* Скорее всего, «Радость встречи» Ли Юя.

В Жунани уже наступила весна, не так ли?

— Небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк... Солнце восходит и заходит, луна растет и убывает, созвездия заполняют небосвод. С приходом холода жар уходит, осенью собирать урожай, зимой беречь. Начитанием высокосов довершается годовое обращение. Двойственным соединением натуры соглашаются действия воздушных...

Пока он раскачивался взад-вперед во время утренних чтений, сверяясь с Тысячесловием, изданным Прославленным залом, Дуань Лин в течение первых двух недель учил один иероглиф за другим, пока не выучил большую их часть.

Учитель указывал линейкой для наказаний на одну фразу, Дуань Лин читал ее вслух, показывал на другую, и Дуань Лин читал ее вслух еще раз — и так до бесконечности.

— А это что? — спросил учитель.

— Господин, — сел прямо и ответил Дуань Лин.

— А это?

Учитель указал на другое слово.

Он не смог ответить, и учитель ударил линейкой по его ладони. Дуань Лин терпел, не смея громко вскрикнуть, и ладонь жгло болезненным жаром.

— Нефритовый диск, — учитель проходил через ряды школьников, небрежно говоря. — Как нефритовый диск Хэ* или «би» в Юйбигуань*. Благородный и тонкий душою есть друг у меня, как нефрит ограненный, до блеска натертый песком*. Следующий.

* История гласит, человек по имени Бянь Хэ обнаружил кусок нефритовой породы в холмах царстве Чу и был так обрадован находкой, что поспешил представить ее князю Чу Ли. Однако князь не поверил, что камень представляет из себя что-то ценное, и приказал отрубить Бянь Хэ ногу — за то, что тот напрасно потревожил правителя. Когда князь умер, трон перешел к его брату Чу У. Бянь Хэ и ему показал камень, но и этот князь не поверил ему и велел отрубить несчастному вторую ногу. Только третий князь Чу Вэнь передал камень резчикам, которые к их удивлению обнаружили, что имеют дело с исключительно редким белым нефритом. Из камня был изготовлен нефритовый диск, который был назван в честь Бянь Хэ.

* Юйбигуань пишется иероглифами «нефрит, нефритовый диск, врата».

* Он пропустил строчку посередине. «Точно резаный рог, что обточен искусным резцом». Это стихотворение из Книги песен, в котором описывается, каким должен быть благородный муж.

— Занятия окончены.

Дети разразились бурными возгласами и ушли. Это был первый день месяца, день, когда они могли отправиться домой на выходные. На улице перед Прославленным залом стояли кареты и ржущие лошади, образуя непроходимую толпу; многие дети высовывали головы, чтобы оглядеться, словно в предвкушении праздника. Дуань Лин все это время ждал — ждал, когда Лан Цзюнься приедет за ним. Первые несколько дней были сущим мучением, но по мере приближения выходного его волнение как-то улеглось.

Привратник выкрикивал одно за другим их имена, и каждого, кого звали, выводили; многие забирались на ограду, чтобы осмотреться, но их снова сгоняли вниз, избивали или угрожали повалить на землю их строгие старосты.

Дуань Лин стоял на ступеньках и, приподнявшись на цыпочки, смотрел на улицу. Лан Цзюнься

всегда был самым высоким, как журавль среди стаи кур, поэтому он сразу бы увидел его, но Лан Цзюнься здесь не было.

Должно быть, он задерживался в переулке. Вероятно, потребуется время, чтобы Лан Цзюнься смог проехать к переулку на лошади.

— Поместье Юань — молодой господин Юань.

— Семья Линь.

Привратник произносил имена, и дети выходили один за другим, оставляя жетоны с именами, которые висели у них на поясе, на хранение в зале. Детей в переднем дворе оставалось все меньше, и Дуань Лин начал думать, что Лан Цзюнься, вероятно, что-то задержало.

— Семья Цай — молодой господин Цай.

Цай Янь вышел и кивнул остальным школьникам. Дуань Лин все еще осматривался, поэтому сразу же заметил его. Тот помахал ему в ответ.

— Где твой отец?

— Он скоро будет здесь.

Дуань Лин не объяснил Цай Яню, что тот, кто придет за ним, не его отец. Цай Янь вышел из ворот, и молодой человек на огромной лошади сел перед ним и увез его. Дуань Лин с завистью смотрел на молодого человека на лошади; тот бросил на него безразличный взгляд, а затем повернулся и пустил лошадь рысью.

Спустя полчаса во дворе осталось всего около дюжины человек, а на аллее перед Прославленным залом становилось все меньше и меньше народу. Когда привратник закончил называть последнее имя, единственными, кто все еще стоял там, где стоял, были Дуань Лин и юноша, который стукнул его головой о колокол. Устав от ожидания, Дуань Лин присел на ступеньки, а мальчик переступил на другую ногу, опершись на ворота, и стал смотреть на улицу.

Глава и учителя, переодевшись, прошли мимо Дуань Лина. Они сложили руки перед другом в поклоне и, раскрыв зонтики, отправились домой на каникулы.

Сторож закрыл ворота. Последний луч заката обрел темно-лиловый цвет, отбрасывая тени на сосны у стены.

Привратник сказал:

— Оставьте здесь жетоны с вашими именами. Если кто-то придет позже, мы, естественно, впустим его за вами.

Юноша подошел первым и отдал деревянную бирку, висящую у него на поясе, но не ушел, а просто стоял и смотрел. Дуань Лин заметил, что на ней было вырезано имя «Борджигин Бату».

— И что же нам делать? — спросил Дуань Лин, немного опасаясь.

Он поднял глаза, пытаясь взглянуть на молодого человека по имени Бату, но обнаружил, что тот уже ушел.

Привратник ответил:

— Идите в столовую и поужинайте. Как только закончите, продолжайте ждать и делайте все, что вам положено. Если за вами никто не придет, ночью перенесите свои постельные принадлежности на второй этаж библиотеки и спите там.

Дуань Лин ждал уже почти две недели, и все надежды, которыми было наполнено его сердце, рухнули. Он никогда не чувствовал себя таким подавленным, но все же верил, что Лан Цзюнься придет. Ведь тот никогда не пропускал встречи и всегда держал свое слово. Может, его что-то задерживает, он занят и не может освободиться?

Дуань Лин вернулся в свою комнату, убрал вещи, а потом снова услышал колокол во внутреннем дворе. У него защемило сердце, и он бросился посмотреть. Издалека он увидел спину уходящего Бату.

До Дуань Лина вдруг дошло. Бату звал его ужинать.

Все юношеские обиды между ними уже давно были забыты; ненависть быстро пришла и так же быстро забылась. Дуань Лин больше не испытывал к нему никакой вражды. Напротив, он чувствовал взаимную симпатию.

В эти два выходных дня около шести рабочих остались, чтобы разобраться с делами. На кухне приготовили огромную кастрюлю тушеного мяса, и все выстроились в очередь, чтобы получить свою еду, включая привратника. В столовой горели две масляные лампы, и был накрыт только один стол. Дуань Лин подошел к нему с миской еды. Увидев, что Бату негде сесть, он немного отодвинулся, чтобы освободить ему место.

Пока Дуань Лин колебался, Бату выглядел немного раздраженным, но в конце концов открыл рот, чтобы сказать:

— Я не собираюсь тебя бить. Сиди. Ты так меня боишься?

Дуань Лин подумал: «Кто это тебя боится?» Из-за гордости ему было тяжело просто сесть, но он не мог есть из своей миски стоя, поэтому у него не было другого выбора, кроме как разместиться рядом с Бату.

Что, если Лан Цзюнься действительно не придет? Сердце Дуань Лина подпрыгнуло, но он тут же стал утешать себя — Лан Цзюнься обязательно придет. По всей видимости, он просто задерживался на ужине в Калиновом дворе и не мог просто так уйти.

Возможно, Лан Цзюнься был пьян, и как только он протрезвеет, то придет за ним.

После ужина Дуань Лин вернулся в свою комнату, чтобы подождать еще немного. В выходные дни в Прославленном зале сэкономили на угле, не топя печи, поэтому в комнате было холодно, как в ледяном погребе, и Дуань Лин не мог усидеть на одном месте, расхаживая взад-вперед. Вспоминая, что привратник сказал ему, что они останутся на ночь в библиотеке, он подумал, что там должен быть огонь и место, чтобы можно согреться, и тогда он свернул свои постельные принадлежности, с трудом поднял их и понес через задний двор в библиотеку.

Все слуги были уже там, их постельное белье было разбросано по первому этажу. За углом здания стояла угольная печь, которая никогда не гасла и имела общий дымоход с кухней, а закопанные в землю трубы с подогревом осушали литературный павильон, комнаты с бамбуковыми свитками и залы, где хранились длинные свитки, чтобы влага или мороз не разрушили старые книги и документы, позволив застывшим чернилам растрескаться.

Как только Дуань Лин вошел, работник сказал ему:

— Молодой господин, вы ученый. Пожалуйста, проходите на второй этаж.

Несмотря на то, что второй этаж был темным и мрачным, было очень тепло. За резными окнами снежная картина выглядела так же ярко, как и днем; снежинки отбрасывали на почти прозрачную оконную бумагу свои порхающие, рассеянные тени, образуя мягкий сверкающий свет. Над ними ряд за рядом возвышались огромные высокие книжные полки, а на широком деревянном столе под перекрещивающимися тенями горел единственный фонарь.

Вокруг них на полках находились коллекции книг, длинные свитки и связанные деревянные дощечки. Когда император Ляо вторгся на юг во время своего южного похода, он основательно разграбил ханьскую столицу. Поскольку он очень любил книги и документы, он переправил все это в Шанцзин, Чжунцзин и Сицзин*. Среди них были даже подлинные каллиграфические работы великих мастеров предыдущих династий.

* Шанцзин, Чжунцзин и Сицзин — Главная/верхняя столица, центральная столица и западная столица соответственно.

До битвы на реке Хуай* все эти книги хранились в библиотеке императора Чэнь в императорской академии, и простые люди никогда бы не смогли их увидеть. Но теперь они покрылись пылью истории, тихо стояли в тусклом желтом свете единственной лампы, и их обложки скрывали невесть кто знает сколько душ мудрецов древних времен.

* На карте это река на северной границе Южной Чэнь (на восточной границе). Это не имеет никакого отношения к исторической битве на реке Хуай.

При свете лампы Бату расстелил постель и положил подушку. Дуань Лин никак не мог решить, стоит ли ему подойти к нему, но Бату не удосужился даже взглянуть на него и направился к полкам, чтобы выбрать книгу. Как говорилось в пословице, враги обречены встречаться на узких дорогах... Дуань Лин подумал, что, хотя он и не считал Бату заклятым врагом, ему просто было не по себе. Тот, вероятно, чувствовал то же самое — ни один из детей не думал, что должен игнорировать другого, просто никто из них не хотел быть первым, кто предложит заключить мир.

Поэтому Дуань Лин разложил свое постельное белье на другом конце длинного стола, и между ними стояла лампа подобно средней линии, разделяющей шахматную доску, — линии, которую никто не хотел пересекать. Он тоже отправился на поиски книги, чтобы скоротать время в ожидании прихода Лан Цзюнься.

Дуань Лин только начал учиться, поэтому чтение давалось ему с большим трудом. Он понимал только те книги, в которых было много картинок. Случайно наткнувшись на «Энциклопедию растений», наполненную причудливыми иллюстрациями множества лекарственных ингредиентов и насекомых, Дуань Лин не мог удержаться от смеха, пока читал. Но когда он поднял глаза, то понял, что через стол на него глядел Бату.

Тот, похоже, был еще меньше настроен читать, чем Дуань Лин: в один момент он касался одной книги, в другой — перелистывал другую. Перед ним была стопка книг, каждая из которых перелистывалась не более чем на несколько страниц, после чего отбрасывалась в сторону. Бату поменял позу, почесал шею, чуть позже снял верх и обвязал одежду вокруг талии, чтобы сесть голым по пояс, но не прошло и минуты, как ему стало слишком холодно, и он набросил на себя одеяло — он выглядел как неопрятный хулиган.

Даже Дуань Лин потерял желание читать, наблюдая за ним. Он зевнул, полулежа на столе, и уставился в пустоту. Из дальнего переуллка доносились хлопки сторожа, отбивающего час сквозь снежную бурю: было уже три часа за полночь, а Лан Цзюнься все не было.

Может, он вообще не придет сегодня?

Внезапно Дуань Лина начали одолевать самые разные мысли. Он думал, думал и снова думал. Прошло уже больше месяца с тех пор, как Лан Цзюнься унес его из дома семьи Дуань, а Дуань Лин постоянно размышлял об этом. С тех пор он узнал много нового, но до сих пор не мог понять, почему Лан Цзюнься забрал его оттуда.

Меня зовут Дуань Лин, моего отца — Дуань Шэн... Дуань Лин повторял эти слова снова и снова. Неужели Лан Цзюнься привез его в Шанцзин, потому что ему доверил это сделать Дуань Шэн? Если это так, то почему отец не пришел ко мне? Перед уходом Лан Цзюнься сказал: «У меня еще есть работа», — и что же это за работа? Может, он не так уж и важен в глазах Лан Цзюнься — он как котенок или щенок, которого бросят, как только он окрепнет. Лан Цзюнься отправил отцу Дуань Лина письмо, и неважно, будет он жить или умрет, Лан Цзюнься выполнит свой долг в полной мере.

Дуань Лин лежал в постели, ворочаясь, и в голове у него пронеслась почти безнадежная мысль: может, Лан Цзюнься никогда не приедет?

По какой причине он должен приехать за Дуань Лином? Они не родственники и не давние друзья; неужели он должен приехать за Дуань Лином только потому, что обещал?

Дуань Лин потянулся к лацкану, пальцы нащупали нефритовую дугу в матерчатом мешочке, и в сердце зародилась невыразимая печаль, которая не желала уходить, затягивая его все глубже и глубже в отчаяние. Может быть, Лан Цзюнься все это время обманывал его; точно так же, как когда умерла его мать, повар сказал ему, что, возможно, за ним придет отец. И вот Дуань Лин ждал его долго-долго, но отец так и не пришел.

Может, и с Лан Цзюнься так же. А что, если эти слова были не более чем попыткой утешить ребенка. Возможно, он больше не вернется.

Дуань Лин зарылся лицом в одеяло, пытаясь успокоиться.

Бату услышал шум и с недоумением стал наблюдать за ним через узкую щель под невысоким столом. Заметив, как Дуань Лин продолжает ворочаться под одеялом, он проворно перебрался на стол и проскользнул к другому концу.

— Эй! — произнес Бату рядом с ухом Дуань Лина. — Ты плачешь? Почему ты плачешь?

Дуань Лин проигнорировал его. Бату стоял на столе на одном колене, ухватившись за край, и с усилием пытался наклониться и поднять его одеяло, но тот крепко держал его.

Бату высунул босую ногу из-за стола и пнул его одеяло, а затем скатился со стола и отнял его, открывая лицо Дуань Лина. Он не плакал, только сильно хмурился, и между его бровей пролегалла глубокая складка.

Бату сел, скрестив ноги, и внимательно стал рассматривать Дуань Лина. Тот в ответ смотрел на Бату. В глазах обоих, казалось, было некое странное молчаливое понимание. Наконец Дуань Лин отвернулся.

— Не плачь, — произнес Бату. — Терпи. Смирись.

В его словах звучало нетерпение, но он вовсе не смотрел на Дуань Лина свысока — он говорил это так, будто и сам пережил похожую ситуацию.

Он протянул ладонь, положил ее на голову Дуань Лина и медленно провел ее вниз. Затем погладил его руку.

Внезапно Дуань Лин почувствовал себя намного лучше.

В тот день Бату было десять лет, а Дуань Лину — восемь с половиной; в библиотеке мерцал свет фонаря — одинокое пламя, маленькое, словно зернышко, пробивалось сквозь небо, засыпанное снегом, и освещало его новые воспоминания. Снег будто укрыл его темное прошлое, и в этот самый момент его беды претерпели явные изменения.

Четкая линия света между Бату и Дуань Лином, казалось, разделяла их на два разных мира. Странно, но Дуань Лин обнаружил, что его прошлые воспоминания стали размытыми; он больше не цепляется за побои и насмешки семьи Дуань, а следы, которые голод вырезал на его костях, казались менее заметными.

«Тебя зовут Дуань Лин. Твой отец — Дуань Шэн».

Одним взмахом кисти Лан Цзюнься пятна и разводы на белой бумаге жизни Дуань Лина исчезли одно за другим, но, возможно, их скрыл более глубокий оттенок чернил. Теперь его волновало совсем не то, что беспокоило его раньше.

— Ты ему больше не нужен, — беззаботно произнес Бату.

Дуань Лин и Бату, прислонившись плечом к столу, сидели на полу, прижавшись к одеялам, и безучастно смотрели на картину, висевшую напротив книжного павильона.

— Он пообещал мне, что придет, — упрямо ответил Дуань Лин.

— Мама сказала, что в мире, в котором мы живем, никто не принадлежит тебе по-настоящему.

Бату посмотрел на картину, на которой золотой и зеленый цвета переплетались в изображении Цанчжоу. Он неторопливо добавил:

— Жена и дети, родители и братья, соколы, летящие в небе, прекрасные кони, скачущие по земле, дары, преподнесенные самим ханом...

—...И тебе тоже ничего не обещано. Единственное, в чем ты можешь быть уверен, — это в себе.

Бату смотрел вниз, хрустел костяшками пальцев и говорил так, словно его это совершенно не волновало.

Дуань Лин повернул голову и посмотрел на Бату. От него исходил естественный запах овец, который сливался с его давно не стиранным халатом из звериной шкуры. Волосы у него тоже были сальными.

— Он твой отец? — спросил Бату.

Дуань Лин покачал головой.

Бату повторил попытку:

— Слуга?

Дуань Лин покачал головой. Бату недоуменно взглянул на него.

— Только не говори мне, что он и вправду будущий муж* на попечении твоей семьи? А где твой отец? Мать?

* Муж, воспитываемый семьей, — на самом деле несуществующее слово; обычно речь идет о жене, воспитываемой с детства в семье мужа. Тунъянси — традиция брака по договоренности, восходящая к древнему Китаю, в котором семья удочеряла дочь-подростка в качестве будущей невесты для одного из своих сыновей-подростков, и дети воспитывались вместе.

Дуань Лин по-прежнему лишь качал головой, и Бату перестал наседавать на него.

Прошло много времени.

— У меня нет отца, — ответил Дуань Лин Бату. — Я незаконнорожденный.

На самом деле он знал, что, когда Лан Цзюнься сказал ему, что его отца зовут Дуань Шэн, это было не более чем выдуманной отговоркой. Иначе почему он никогда не говорил об этом «Дуань Шэне»?

— А ты? — спросил Дуань Лин.

Бату кивнул.

— Мой отец давно бросил меня. Он говорил, что будет приводить меня домой раз в месяц, но вот уже больше трех месяцев я его не видел.

— Это все ложь, — сказал Дуань Лин Бату. — Если не верить им, то не будешь обманут.

Бату незаинтересованно произнес:

— Да, но я все равно иногда верил.

— А тебя тоже часто обманывали? — спросил Дуань Лин.

— Не очень.

Бату перевернулся, лег на пол и заглянул в глаза Дуань Лину.

— Раньше часто. Сейчас уже не так много. Но если ты знал... почему ты все еще веришь ему?

Дуань Лин замолчал. Когда-то он думал, что Лан Цзюнься никогда не станет ему лгать. В конце концов, он был не таким, как другие люди.

Ночь становилась все темнее, и в мире остался лишь шум падающих снежинок. Они лежали, один на животе, другой на спине, и одеяла пахли Бату — запахом тела молодого мужчины. Они даже не знали, когда уснут. Дуань Лин уже ни на что не надеялся: он знал, что Лан Цзюнься не придет завтра, не придет и послезавтра. Все в точности было как тогда — взрослые часто обманывали его, говоря о несуществующем отце, когда он еще жил с семьей Дуань.

«Эй, ублюбок, твой отец пришел за тобой!»

Они повторяли эти слова бесчисленное множество раз, и поначалу Дуань Лин каждый раз попадался на них, но, став умнее, перестал им доверять. Но взрослые тоже стали умнее и придумывали новые способы одурачить его. Иногда они говорили ему, что приехал гость и госпожа Дуань зовет его к себе, и Дуань Лин бежал туда, полный ожидания, только пачкая обувью гостиную, и, конечно же, его снова били.

Иногда они притворялись, что шепчутся друг с другом на глазах у Дуань Лина, и как бы невзначай разглашали крупницы информации. В конце концов они удовлетворенно смеялись над его реакцией и расходились по своим делам — им всем нравилось смотреть, как он плачет.

Отныне он будет брошен здесь, но школа — гораздо лучшее место, чем дом Дуань. По крайней мере, в этом плане Дуань Лин был вполне доволен. Человек должен быть доволен своей участью; так сказал ему один захудалый буддийский монах, когда тот пришел просить милостыню. Хотя в конце концов монах тоже умер в Шанцзы...

Сон Дуань Лина блуждал и отступал, наполненный безмятежной, мирной атмосферой. Но как раз в тот момент, когда он начал видеть сон о реке в Шанцзы, о ее зелени на пороге весны и

лета, сверкающей золотыми солнечными лучами, Бату разбудил его.

— Эй, — сказал Бату, — кто-то пришел за тобой.

Дуань Лин с сонными глазами посмотрел на него. На него опустилась еще одна рука, но Бату бдительно преградил ее.

— Это он? — спросил Бату.

Лан Цзюнься тихо произнес:

— Дуань Лин, я пришел за тобой.

Дуань Лин вздрогнул и открыл глаза. Он недоверчиво взглянул на Лан Цзюнься, а затем на Бату.

Бату держал лампу и подозрительно смотрел в лицо Лан Цзюнься. Тому, казалось, было неловко из-за света на его лице, но Бату беспокоился, что Дуань Лина может похитить незнакомец, поэтому продолжал спрашивать:

— Это он или нет?

Дуань Лин ответил:

— Это он.

Он обхватил руками шею Лан Цзюнься и тот взял его на руки.

— Спасибо, что присмотрел за ним, — сказал Лан Цзюнься Бату.

Тот выглядел явно раздраженным и отложил лампу. Дуань Лин так хотел спать, что едва мог открыть глаза; он хотел что-то сказать Бату, но тот пробрался под стол к своей подстилке и, откинув одеяло, полностью спрятал под ним лицо.

В метель весь Шанцзин спал, встречая самое холодное время года. Лан Цзюнься укутал Дуань Лина в одеяло и пустил лошадь вскачь. От пронизывающего холодного ветра Дуань Лин немного проснулся и заметил, что они едут не в Калиновый двор, поэтому спросил:

— Куда мы?

— В новый дом, — беззаботно ответил Лан Цзюнься. Похоже, он был погружен в свои мысли.

Новый дом! Дуань Лин сразу же полностью проснулся. Он подумал, неудивительно, что Лан Цзюнься опоздал — ведь он как раз обустраивал их новый дом.

Поднял голову, он посмотрел на него, и ему показалось, что тот был очень бледен. Должно быть, устал.

— Ты хочешь спать?

Дуань Лин почувствовал, как Лан Цзюнься оперся на него, и, приподнявшись, погладил его по голове.

— Нет.

Лан Цзюнься казался очень сонным. После того как Дуань Лин разбудил его, он изо всех сил старался не заснуть.

— Ты ел? — спросил Дуань Лин.

— Да, — ответил Лан Цзюнься и обнял его рукой. Его ладонь была очень холодной, совсем не такой, как обычно.

— А где новый дом?

Лан Цзюнься ничего не сказал. Под ними лошадь свернула в укромный переулок через пустынный рынок, и в кромешной тьме ночи они въехали во двор. Обрадованный Дуань Лин даже не стал дожидаться, пока Лан Цзюнься заведет лошадь, и с радостным воплем помчался в дом.

Дверь новой резиденции была не заперта, и внутри она выглядела обветшалой: двор, окруженный шестью комнатами и одной смежной галереей. Фонарь, который должен был висеть у дверей, не горел, а валялся выброшенным за воротами. Дуань Лин спросил:

— Мы будем жить здесь и дальше?

— Да, — кратко ответил Лан Цзюнься. Дуань Лин вышел во двор и начал смеяться; он слышал, как Лан Цзюнься закрыл и запер за собой двери.

Тут же раздался грохот, и Лан Цзюнься упал в сугроб, раздавив еще не установленную шпалеру.

Дуань Лин в шоке обернулся и увидел, что он неподвижно лежал на земле.

— Лан Цзюнься! — Дуань Лин отчаянно стал трясти его, громко зовя по имени, но Лан Цзюнься никак не реагировал. Сверху на сосне осыпались комья снега, которые разлетелись по разные стороны от Дуань Лина.

В тот же миг он даже не успел обдумать этот неожиданный поворот событий; страх лишь на мгновение промелькнул в его сознании, прежде чем его посетила куда более насущная мысль — должно быть, Лан Цзюнься упал в обморок, потому что ему было слишком холодно. И хотя Дуань Лин не мог объяснить пятна крови на его теле и не имел ни малейшего представления о том, что ему пришлось пережить, он должен был помочь ему, несмотря ни на что.

С большим трудом он попытался затащить Лан Цзюнься в дом, но после успешного выполнения этой задачи у него ушло так много сил, а Лан Цзюнься все еще не пришел в себя. Дуань Лин еще несколько раз позвал его, прижимаясь лицом к его лицу, чтобы почувствовать его дыхание, и обнаружил, что тот дышал ровно и непрерывно, только губы его были бледными.

Надо развести огонь, подумал Дуань Лин, осматривая новый дом, и, заглянув в каждый уголок, нашел на кухне уголь и заброшенную глиняную плиту. Он разжег огонь прямо в гостиной.

В комнатах также было постельное белье, и Дуань Лин уложил его с одной стороны от Лан Цзюнься, как подушку. В этот момент он заметил капаящую с него ярко-алую кровь.

Она тянулась из гостиной, окрашивая порог багровыми пятнами и оставляя яркий след от закрытой двери до заснеженной земли во дворе. Капли крови пересекали порог главных ворот по всему переулку, через который они пришли, и указывали на конец длинной дороги, а в конце сворачивали на главную улицу.

При тщательном обыске Лан Цзюнься Дуань Лин не нашел никакой лечебной мази. Все, что он обнаружил, — это небольшой тканевый сверток со свидетельством о рождении Дуань Лина внутри. Что же делать? Щеки Лан Цзюнься были смертельно бледны, он был очень слаб и у него начинался жар. Дуань Лину оставалось только найти деньги, сходить куда-нибудь и привести врача.

Если ты заболел, то должен вызвать врача, чтобы тот осмотрел пациента и выписал рецепт. Когда он жил у семьи Дуань, все приказывали ему бегать по делам, и ему часто говорили, что нужно сходить в аптеку.

В самые спокойные часы Шанцзина по его улицам еще ходила таинственная сила: где-то ночью в холоде появилась высокая стройная фигура У Ду, одетого в рваный хлопковый халат и бамбуковую шляпу, рассеянно вертящего в пальцах кинжал. Он ходил от дома к дому и,

проходя мимо, время от времени поворачивал голову, чтобы прислушаться.

За ним следовал довольно нервный человек в черном, озирающийся по сторонам во всех направлениях.

У Ду сказал:

— Как только мы найдем какие-нибудь улики, больше не уходи один.

Человек в черном огрызнулся:

— У Ду! Не забывай, что генерал послал тебя мне на помощь! Он ранен — как далеко он мог уйти?

— Я бы никогда не посмел ссориться с тобой из-за этого, Чжу-сюн*, но если ты боишься, что я испорчу работу, можешь сам отправляться на поиски, — сказал У Ду.

* «Сюн» дословно означает «старший брат» и является простым уважительным суффиксом для обозначения старшего.

Человек в черном бросил взгляд на У Ду и язвительно усмехнулся. Не говоря больше ни слова, он повернулся и ушел, исчезая в многочисленных дворах Шанцзина.

У Ду немного подумал, глядя вдаль, и направился к главной рыночной улице.

Дуань Лин постучал в заднюю дверь Процветающего зала, пока она не открылась, и проскользнул внутрь сквозь метель.

— Врач выехал на дом. Что за болезнь?

— Кровотечение! — умолял Дуань Лин. — Не двигается! Когда вернется врач?

— Что за травма? — нетерпеливо спросил лавочник. — Мужчина или женщина? Сколько лет пациенту?

Дуань Лин говорил и жестикулировал, неимоверно волнуясь, но, с другой стороны, лавочник был пьян и у него слипались глаза. Все, что он сказал ему, так это то, что врач здесь не живет — он живет через две улицы отсюда. Когда он пришел вечером, у одной семьи на улице Дун начались тяжелые роды, поэтому он взял свой сундучок с лекарствами и отправился к ним. В

какой именно дом он отправился, лавочник не выяснял.

Дуань Лин был близок к тому, чтобы сойти с ума от паники, а лавочник оставался совершенно спокойным. Он с подсказкой сказал ему:

— Все в порядке, все в порядке, я принесу тебе порошок от травм* и составлю рецепт, который поможет срастить плоть и стимулировать кровообращение. Напои его отваром, и ему станет лучше, как только спадет жар.

* Слово 跌打散 буквально означает «металл-лекарство от травм», и им часто пользуются в романах уся, оно так же эффективно, как волшебная припарка в большинстве романов уся, останавливает кровотечение, ускоряет заживление. Обычно (как в данном случае) порошок носят с собой в маленькой фарфоровой бутылочке.

Лавочник, спотыкаясь, поднялся, чтобы отдать рецепт, а Дуань Лин беспокойно стоял за прилавком. Он вспомнил, что кто-то сказал ему однажды, что женьшень гарантированно вылечит все, что угодно, поэтому он придвинул стул к шкафу с лекарствами и забрался на него, чтобы поискать его.

И вот снова прозвучал стук во входную дверь.

— Кто-нибудь есть? — произнес низкий и грубый голос.

С лампой в одной руке и палочкой старого женьшеня в другой Дуань Лин стоял в нерешительности, не зная, что ему делать. За дверью что-то щелкнуло, она явно была заперта, но гость каким-то образом вошел. Дуань Лин поспешно слез вниз, стараясь не шуметь. Он опустился на колени на стул и, поставив лампу на место, выглянул из-за стойки.

Вошедшим оказался молодой человек, который был весь в снегу. Его левая рука была зажата в лацкане, как будто он за что-то держался, а правая была обнажена и покраснела от холода.

У мужчины были длинные и тонкие пальцы. Повернувшись немного в сторону, он поставил локоть на стойку и стал внимательно рассматривать Дуань Лина, возвышаясь над ним и пристально глядя ему в глаза. Дуань Лин был слишком мал, и за прилавком была видна только половина его лица. Он сразу почувствовал страх.

У мужчины было худое лицо, глубоко посаженные глаза и острые скулы; кожа была слегка смуглой, густые черные брови похожи на восходящие штрихи грубой скорописи, а на шее, под челюстью, красовалась татуировка чернильного цвета. Она была похожа на вырезанный из бумаги профиль какого-то причудливого зверя.

— Где врач? — бесстрастно произнес молодой человек, затем два его пальца скрестились, и между ними появилась блестящая золотая бусина. Внимание Дуань Лина быстро привлекла эта

красивая золотая бусина, и его взгляд перешел с нее на парня. Молодой человек зажал бусину между указательным и средним пальцами, пуская ее в ход, и она начала вращаться на прилавке.

— Врач... отправился принимать роды, — золотая бусина ослепила Дуань Лина настолько, что он едва мог держать глаза открытыми, и ответил. — Восточная улица... там у семьи тяжелые роды.

Легким движением пальца юноши золотая бусина остановилась перед Дуань Лином.

Молодой человек сделал жест, означающий «угощайся», и произнес:

— Кроме семьи, принимающей роды, кто-нибудь еще приходил сюда в поисках врача?

— Нет, — ответил Дуань Лин, не задумываясь.

Он почувствовал запах опасности, исходящий от этого человека, и не решился взять золотую бусину. За приманкой всегда скрывались ловушки — трудности, выпавшие на его долю в детстве, заставили его быть особенно бдительным.

— Врач — твой отец?

— Нет.

Дуань Лин немного отступил назад, оглядывая мужчину с ног до головы.

— А что это у тебя в руке?

Мужчина обратил внимание на лекарственные ингредиенты в руке Дуань Лина.

Естественно, он не мог сказать, что украл их, поэтому показал их ему и соврал:

— Женьшень для роженицы.

Юноша ненадолго замолк. Опасаясь, что лавочник спустится вниз и разоблачит его ложь, Дуань Лин спросил:

— Вам нужно что-нибудь еще?

— Больше ничего.

Уголок рта парня приподнялся в слегка извращенной улыбке, и, положив руку на прилавок, он стал барабанить по нему в ровном ритме. Вдруг золотая бусина развернулась и превратилась в блестящую золотую сороконожку с ярко раскрашенным брюшком!

Сороконожка направилась к Дуань Лину — он был так напуган, что громко вскрикнул, но парень лишь посмеялся. Плавным движением он забрал ее с собой и исчез в снежной ночи за дверями.

Дуань Лин поспешил наверх и обнаружил, что хозяин лавки развалился под аптечкой на чердаке, потеряв сознание от выпитого, с беспорядочно упакованным свертком лекарств в руке. Облегченно вздохнув, Дуань Лин аккуратно завернул их, не разбудив продавца, отыскал по надписи лечебный порошок и вернулся домой.

Снег скрыл дорожку из крови, которую Лан Цзюнься оставил на пути. Поздним вечером перед ним расстилалась широкая улица. Их лошадь все еще стояла за воротами, Дуань Лин заметил, как она дрожала от холода, и отвел ее в конюшню на заднем дворе. Он дал ей немного сена вилами и сказал:

— Я скоро вернусь.

Как только он повернулся, Дуань Лина подняли за руку. Когда он открыл рот, чтобы закричать, большая грубая ладонь закрыла ему рот.

Дуань Лин хныкал и издавал всевозможные звуки, изо всех сил сопротивляясь. Руки мужчины были очень сильными, он прижал блестящий кинжал к его шее и слегка вдавил острие внутрь. Зрачки Дуань Лина расширились, и он больше не мог пошевелиться.

Позади него мужчина спросил:

— Где Лан Цзюнься?

Сквозь свет, отблескивающий от сосуллек, он понял, что его держал убийца в маске и черном одеянии разбойника, но тут же успокоился — плотно сжал губы и не произнес ни слова.

— Покажи дорогу! Где он?! Если не покажешь, я убью тебя! — пригрозил ему низким голосом убийца.

Дуань Лин показал на заднюю часть дома, думая о том, как отвлечь этого человека или, может быть, крикнуть, чтобы предупредить Лан Цзюнься. Крепкий мужчина обхватил его одной рукой и следовал его указаниям, направляясь к заднему двору. Лед, скопившийся на земле, был довольно скользким, и когда мужчина перепрыгнул через коридор, Дуань Лин неожиданно открыл рот и сильно вцепился зубами в руку убийцы.

После того, как без всякого предупреждения его укусили за средний палец, убийца громко вскрикнул от боли и, выхватив клинок, рефлекторно бросился на Дуань Лина. Но тот уже упал на землю, барахтаясь руками и ногами. Убийца последовал за ним вплотную, и, зная, что тот, скорее всего, собрался обратиться за помощью, не спешил его догонять.

Но Дуань Лин был очень умен: он не бежал в сторону Лан Цзюнься, а мчался по коридору, на ходу стуча во все двери и крича: «Убийца! Убийца!» и направлялся прямо к конюшне, изо всех сил стараясь скрыться отсюда, чтобы убийца не обнаружил никаких следов Лан Цзюнься.

Убийца собирался с помощью Дуань Лина выманить Лан Цзюнься, но как только увидел, что тот выбежал на улицу, понял, что ничего не выйдет, и с неожиданной прытью бросился вперед, его пальцы уже были готовы схватить Дуань Лина за воротник.

Сверкающее острие клинка пронеслось мимо из-за боковой колонны, и убийца выхватил кинжал, чтобы парировать удар; с резким звоном металла лезвие разломилось на две части, а меч быстро пронзил его по диагонали вверх. Бледнолицый и тяжело дышащий Лан Цзюнься, покачиваясь, направил меч на убийцу. Однако он пошатывался, и в итоге удар не достиг цели на полцуня*.

* Где-то 1,5-2 см.

Убийце удалось избежать расчленения, а Лан Цзюнься сделал один шаг в сторону, его зрение потемнело, и он упал на землю. Дуань Лин вскрикнул, развернулся и побежал к нему, бросаясь на спину Лан Цзюнься.

Убийца усмехнулся, затем сделал шаг вперед и отбросил длинный меч на землю. Он схватил Дуань Лина и безжалостно начал бить его по лицу. Он слестал его так, словно отбивал тесто: стоило Дуань Лину повернуть голову, как огромный кулак с силой впечатался ему в глазницу. В его мозгу внезапно раздался тихий гул, перед глазами появились звезды, и он упал на землю.

Убийца схватил за волосы Лан Цзюнься, заставляя его поднять голову, достал еще один кинжал и прижал его острие к горлу.

— Где Ли Цзяньхун? — тихо спросил убийца.

— Если ты не убьешь ребенка, я скажу тебе... — губы Лан Цзюнься едва шевелились, он слабо открыл рот.

Дуань Лин боролся, ему казалось, что его глаз впечатался в затылок, но все же он собрал все свои силы, чтобы схватить меч, который валялся на земле.

Убийца действительно недооценил способность Дуань Лина переносить удары. Уровень стойкости человека, когда его жизни угрожает опасность, тесно связана с тем, сколько ударов

он когда-либо получал. С самого детства Дуань Лина бросали головой об стену, били кирпичами, давали пощечины и колотили — все это давно закалило его в умении терпеть побои. Он знал, что, когда кто-то бьет прямо в лицо, нужно избегать ударов в нос и виски, и использовать глазницу для приема кулака.

Убийца слегка наклонился вперед, и по ясным зрачкам Лан Цзюнься заметил, что позади него Дуань Лин подхватил его меч и набросился на него...

За время, недостаточное для высыхания чернил, убийца развернулся, и Дуань Лин вонзил клинок ему в шею. Острое лезвие издало слабый звук и вбило убийцу в землю.

— Я ...

Зрачки убийцы расширились, он совершенно не понял, что умер от рук маленького хрупкого ребенка. Одна из его рук пару раз коснулась снега. Шея и горло были пробиты насквозь, что привело к мгновенной смерти.

Последний вздох убийцы угас, оставляя после себя лишь безбрежный шквал снежинок с неба. Дуань Лин впервые в жизни убил человека. Его руки и лицо были покрыты ярко-алой кровью, и он в полном недоумении смотрел на убийцу. Затем он судорожно подполз к Лан Цзюнься и бросился в его объятия.

С закрытыми глазами Лан Цзюнься обхватил Дуань Лина. Тот испуганно огляделся и увидел широко раскрытые глаза мертвого убийцы, которые смотрели на них. Тогда мужчина поднял руку и закрыл ему глаза, не давая ему больше смотреть.

Час спустя.

— Кто там?!

Северный ястреб кружил в небе над городом, и патрульные, наконец, обнаружили фигуру молодого человека и галопом понеслись за ним. Юноша прикладывал пальцы к губам, насвистывая снова и снова, но, увы, никто не отвечал ему в снежной буре.

Все больше и больше стражей правопорядка слетелись со всех сторон, чтобы поймать его, подавая друг другу сигналы птичьим кличем. Молодой человек оставил крыши домов позади и спустился в небольшой переулок, прыгнув в снег и потеряв своих преследователей. Но как только он покинул переулок, его настигли новые люди.

Юноша не решился ввязываться в драку и отступил, его шаги были легки, как дрейфующие водоросли на пруду, и оставляли за собой неглубокие следы на снегу. К его удивлению,

патрульные успели окружить его, сгибая луки и накладывая стрелы. Но прежде, чем они смогли завершить свой строй, парень развернулся и одним взмахом рукава выпустил бесчисленное множество маленьких стрел, каждая из которых была размером с коровий волос.

Перед ним на скорости пронесся патрульный всадник и завопил:

— Кто посмел так дерзко вести себя на улицах Шанцзина!

Когда скачущий всадник, казалось, собирался врезаться в этого человека, он быстро снял свою шляпу и, взмахнув рукой, бросил ее. Караульный в мгновение ока упал головой вперед с лошади; они пересеклись, и головной убор улетел назад, а молодой человек словил его. Он надел его обратно и, не говоря ни слова, бросился в переулочек и бесследно исчез.

Сразу после переполоха конные гвардейцы ходили от двери к двери в поисках его сообщников.

Дуань Лин развел в комнате огонь, и заставил Лан Цзюнься лечь на кровать, чтобы тот мог присыпать раны лечебным порошком, затем нарезал женьшень и положил его в кастрюлю с водой, чтобы подогреть.

— Где ты взял женьшень? — спросил Лан Цзюнься с закрытыми глазами.

— Украд в аптеке, — ответил Дуань Лин. — Почему люди пришли убить тебя? Это плохие люди?

— Двенадцать дней назад я отправился в город Хучан*, чтобы выполнить кое-какую работу. Мой след обнаружил убийца У Ду, и я не смог от него ускользнуть. Я собирался воспользоваться случаем и убить его, но, увы, он оказался гораздо хитрее, чем я ожидал — я попал в ряд ловушек, которые он расставил для меня, и в результате поспешного поединка оказался тяжело ранен. Только используя все известные мне уловки, я смог сбить его с пути у подножия Алтынтага*.

* Вероятно, это где-то к западу от Синьцзяна, к юго-западу от горного хребта Алтынтаг.

* Алтынтаг находится на юго-восточной окраине Синьцзяна.

— Это... тот человек в черном, который умер? — спросил Дуань Лин.

— Нет, — ответил Лан Цзюнься с закрытыми глазами. — Человека в черном снаружи звали Чжу. Он был членом Теневой стражи императора Чэнь. Теневая стража и У Ду никогда не ладили друг с другом; полагаю, Чжу преследовал меня до Шанцзина, потому что планировал

приписать себе заслугу в моем убийстве. Подумать только, из-за череды непредвиденных обстоятельств он каким-то образом умер от твоих рук.

Значит, причина, по которой Лан Цзюнься не пришел за ним, заключалась в том, что он отправился по делам. Где находится город Хучан? У Дуань Лина было полно вопросов. Но когда он только собрался спросить, Лан Цзюнься произнес:

— Спрячь тело в конюшне, накрой его сеном, потом разгреби снег, замажь пятна крови и переоденься.

Дуань Лин немного испугался, но все равно сделал все, как велел Лан Цзюнься. Тело по-прежнему смотрело пустыми глазами, и он гадал, не превратится ли оно в призрака и не вернется ли ночью, чтобы потребовать вернуть ему жизнь. Как раз в тот момент, когда он закончил это делать, снял запачканное кровью верхнее платье и переоделся в тонкую одежду без подкладки, у парадных ворот донесся стук лошадиных копыт.

— Городская стража, особое распоряжение! Откройте дверь! — крикнул гвардеец снаружи.

Дуань Лин недолго колебался, не зная, стоит ли открывать дверь — Лан Цзюнься все еще лежал в комнате. Ворота были заперты, снаружи кто-то постучал в них еще несколько раз, и Дуань Лин, не раздумывая, пошел открывать.

— Айо, — удивился конный стражник.

— Почему ты такой маленький? А где взрослые? Где твои мама и папа?

Дуань Лин ответил:

— Они заболели.

— Разве это не тот ребенок, который ходит в Прославленный зал?

Позади них кто-то, похоже, капитан конной стражи, наклонился, чтобы осмотреть Дуань Лина. Он был одет во внутреннюю одежду, его губы были такими холодными, что казались немного фиолетовыми, а за воротами он постоянно дрожал. Молодой мужчина слез с лошади и оглядел его с ног до головы. Дуань Лин уже забыл, где его видел.

— Где твой отец? Ты меня помнишь? Я старший брат Цай Яня, Цай Вэнь.

Дуань Лин на мгновение задумался и ответил:

— Он болеет. Я не помню.

Он помнил Цай Яня, но не помнил этого человека.

— Взрослый из твоего дома может выйти к нам?

Цай Вэнь нахмурился, осматривая синяк на краю глаза Дуань Лина. Его сильно ударили, и теперь он опух. Цай Вэнь попытался дотронуться до него, но Дуань Лин лишь испуганно отстранился.

— Все спят.

Дуань Лин не хотел, чтобы Цай Вэнь входил, иначе он бы обнаружил труп убийцы.

Видя, как дрожит Дуань Лин, маленький ребенок, стоящий у ворот без обуви посреди зимы, одетый лишь в тонкую одежду, Цай Вэнь не мог смириться с тем, что ему приходится нелегко.

— Не бери в голову. Ступай в дом и отдохни.

— В следующий дом! — приказал Цай Вэнь остальным солдатам, сел в седло и уехал. Только когда он развернул лошадь и Дуань Лин увидел его спину, он вспомнил, что человек, который пришел за Цай Янем, был тем самым парнем.

Патрульные ушли, и Дуань Лин облегченно вздохнул, запер дверь и вернулся в спальню. Женьшеневый чай наполнил комнату горько-сладким ароматом.

Дуань Лин снял чайник с огня, чтобы он остыл, и услышал, как на кушетке кашлял Лан Цзюнься.

— Кто это был?

На лбу Лан Цзюнься выступили капельки пота.

— Старший брат Цай Яня, Цай Вэнь, — честно ответил Дуань Лин.

Лан Цзюнься закрыл глаза.

— Цай Вэнь? Он ушел вот так просто? А кто такой Цай Янь? Ты знаешь его младшего брата?

— Да, — сказал Дуань Лин.

Он взял кипящий чайник, направил носик на губы Лан Цзюнься и налил женьшеневый чай прямо ему в рот. Сначала он несколько раз кашлянул, но потом расслабился и выпил весь чайник, пока Дуань Лин подавал ему его.

— Старый горный женьшень... — произнес Лан Цзюнься спокойным и ровным тоном, — он поддерживает дыхание и продлевает жизнь. Небеса еще не покончили со мной. Есть еще? Дай мне еще немного.

— Это все, что есть. Я пойду украд... пойду куплю еще.

— Не надо. Это слишком опасно.

— Тогда я добавлю еще воды и снова подогрею для тебя.

Лан Цзюнься замолчал и больше ничего не сказал. Почему-то казалось, что ночь длилась вечно. Дуань Лин, свернувшись калачиком на кушетке, дремал, пока на плите кипел чайник с женьшеневым чаем.

— Лан Цзюнься?

Лан Цзюнься не произнес ни звука.

— Ты в порядке? — испуганно спросил Дуань Лин.

— Эй, — ответил Лан Цзюнься, в полудреме. — Я не умер.

Только тогда Дуань Лин почувствовал, что с его плеч свалился огромный груз. Снаружи становилось все темнее и темнее, но пламя в печи словно теплое солнце освещало их обоих.

— Лан Цзюнься? — снова спросил Дуань Лин.

— Живой, — голос Лан Цзюнься звучал как горн, будто голос выходил прямо из его легких, а не через горло.

Дуань Лин снова заснул, его голова покоилась на кушетке.

Когда на следующий день он вновь открыл глаза, снег уже перестал идти. Дуань Лин понял, что заснул на кушетке, а рядом с ним лежал Лан Цзюнься. Его щеки уже немного покраснелись.

Как щенок, Дуань Лин подобрался к нему и обнюхал его лицо, проверяя дыхание, а между его

бровей пролегла глубокая складка. Лан Цзюнься сделал глубокий вдох — у него раскалывалась голова.

— Который час?

Хвала небесам и земле. Дуань Лин с беспокойством наблюдал за ним.

— Тебе все еще плохо?

— Мне больше не плохо.

Настроение Дуань Лина улучшилось.

— Пойду найду тебе что-нибудь поесть.

Как только он встал, то выглянул на улицу и увидел, что все вокруг было покрыто ярким белым снегом; он сразу же с радостью захотел выйти на улицу и поиграть в нем.

— Оденься, — сказал Лан Цзюнься. — Не простудись, слышишь?

Дуань Лин накинул на себя шубу и бамбуковым шестом начал стучал по сосулькам, свисающим с веранды, при этом громко смеясь. Когда он повернулся, то увидел, что в комнате сидел Лан Цзюнься, он снял верхний халат, срезал внутреннюю одежду и поменял припарки.

Дуань Лин бросил бамбуковый шест и побежал обратно в дом.

— Тебе лучше?

Лан Цзюнься кивнул. Дуань Лин увидел, что рана на животе, где он развернул бинты, была тремя порезами разной глубины темно-фиолетового цвета, которые уже зарубцевались. Он подогрел для него воду, протер рану и посыпал ее лечебным порошком.

На бледной сильной руке Лан Цзюнься тоже была странная татуировка в виде иероглифа, похожая на тигра, выгравированного на монастырском колоколе*. Она заставила Дуань Лина вспомнить, что произошло накануне вечером.

* Это отсылка на сочинение Ли Бая «Гравюры на большом колоколе монастыря Хуачэн».

— Почему они пытались убить тебя?

— Они хотели узнать у меня кое-чье местонахождение.

— Чье?

Лан Цзюнься посмотрел на Дуань Лина. Вдруг уголок его рта слегка искривился, а глаза сузились.

— Не спрашивай, — сказал Лан Цзюнься. — Не спрашивай ничего. Ты все в будущем узнаешь.

Дуань Лин очень волновался, но все его уныние рассеялось, потому что Лан Цзюнься был все еще жив, и это его очень радовало. Усевшись рядом с ним, он посмотрел на татуировку в виде головы тигра на его руке.

— А это что?

— Белый Тигр, — объяснил Лан Цзюнься. — Белый Тигр запада. Западное небо хранит жизненную силу войны. Поэтому это бог мечников.

Дуань Лин не понял.

— Ты ведь умеешь пользоваться мечом? Я видел твой меч. Он очень острый.

Дуань Лин отправился на поиски клинка Лан Цзюнься, но его уже не было. Когда он добрался до заднего двора, то вдруг со страхом вспомнил, что тело все еще было в конюшне, но когда подошел поближе, то увидел, что сено было сдвинуто, а трупа не было, и он мгновенно до смерти испугался.

— Я позаботился об этом. Тебе не нужно бояться. Он был с теньвыми стражами Чэнь, а они никогда не ладили с У Ду. Хорошо, что сюда добрался именно он, а не У Ду. Иначе никто из нас не сидел бы сейчас здесь.

Дуань Лин не спрашивал, как Лан Цзюнься «позаботился» об этом. Он понял, что не знал, куда делась окровавленная одежда.

— Сходи купи еды, — Лан Цзюнься протянул Дуань Лину деньги. — Ничего не говори и ни о чем не спрашивай.

Поздно утром Дуань Лин отправился на рынок, чтобы купить булочки с начинкой и без начинки, затем он купил рис и мясо и вернулся с целым свертком. Лан Цзюнься уже мог

ходить и разделил булочки с начинкой с Дуань Лином.

— Мы пока будем жить так. Как только ты вернешься в школу, я займусь обустройством дома.

— Ты снова уедешь? — спросил Дуань Лин.

— Я больше не уйду.

— Ты придешь за мной в первый день следующего месяца?

— Обещаю, что больше не опоздаю. Вчера я неправильно поступил.

Дуань Лин неожиданно спросил:

— Тогда ты можешь стать моим отцом?

Лан Цзюнься был ошеломлен, он не знал, смеяться ему или плакать.

— Пожалуйста, никогда не говори так ни при ком.

Дуань Лин нахмурился.

— Твой отец придет и найдет тебя.

Дуань Лин удивился. Слова Лан Цзюнься были подобны удару грома, пронзившему его с ног до головы.

— Мой отец... еще жив?

— Да, он еще жив.

Дуань Лин срочно спросил:

— Где он? Он еще жив? Тогда почему он не пришел за мной?

Дуань Лину врал по этому поводу бесчисленное количество раз, но он знал, что на этот раз Лан Цзюнься не стал бы ему лгать. У него не было никаких доказательств, что он не лжет, он просто знал это интуитивно.

— Прибереги свои слова и спроси его об этом позже. Однажды он придет. Это может случиться как через три года, так и через несколько месяцев. Поверь мне.

Дуань Лин сидел с открытым ртом и чашей в ладонях, словно не зная, что делать, — узнав об этом так неожиданно, он одновременно был и счастлив, и напуган. И вот Лан Цзюнься подозвал его к себе, прислонив голову Дуань Лина к своему плечу, погладил по голове и заключил в свои теплые объятия.

<http://bllate.org/book/15657/1400636>